

Наталия ЧЕРНЫХ

Наталия Черных родилась в 1969 году в Челябинске-65 (ныне Озерск). Училась во Львове и в Москве. С 1987 года живет в Москве. Публикации в журналах «Воздух», «Новый мир», «Знамя», «НЛО» и др. Автор нескольких книг поэзии и прозы сборников. В «Волге» печаталась поэзия, проза, критика, эссеистика (с 2009 года).

СТИХИ ИЗ КНИГИ «СССР 2:0»

Советский Союз в моей книге, конечно, не империя зла и не райское место (хотя почти вся книга состоит из детских и подростковых воспоминаний), не нечто загадочное и отстраненное благодаря девяностым. Это Зазеркалье, которое кажется более родным, чем то, что окружало при рождении (и люди в том числе). Ностальгия в классическом понимании есть болезнь, происходящая от тоски (по родине). Но рассказчица книги не замерзла в определенном времени, и ее Зазеркалье всегда с нею. И мое Зазеркалье не покидает меня. Потому в названии стоит индекс 2:0.

Антоновка

надеялась антоновки поесть
не яблоко так яблоко увидеть
не аромат а звонкий нежный запах
так слезы пахнут слезы почему
такого света пара дней в году
такая зелень нежная сильнее
лекарственных видений
я ждала

но мне антоновки не дали кто
холодный бок щеке не прикоснулся
сок не щипал мне внутренности рта
а так хотелось

яблоко росло
я видела его во мне растущим
смотреть в пространство-время как в экран
на дерево растущее насквозь
ведь это страшно

среди наготы житейской ствол и ветви
одежда и постель
питье и ласка

мы только руки

кто мы
я рука
расту
антоновка круглится
планетой новой незнакомой жизни

а здесь а здесь
а я уже не жду
и не было меня где не забыли
я проросла как дерево растёт

Цыгане

август 1973

стервоза бабушка с сомнамбулою мамой
везли меня подальше от Москвы
в работавшую старенькую церковь
крестить меня водою во Христа
и мне купили белую рубашку
не где-нибудь а в самом детском мире

мы ехали в жару и больше часа
сакральный месяц август уходил
мы проезжали станцию Усад

смотри сказала мама вот Усад
все говорят цыганская столица
нет Омутище бабушка сказала
но все равно цыганская столица

за окнами поселок пробежал
все плоские и новенькие крыши
одежда яркая на новеньких веревках
шли низкие веселые дома

была лишь непонятная тревога
как будто мир уходит из-под ног
забыла я что еду в электричке
на остановке женщины вошли

от них пошла та самая тревога

две юные в лиловое одеты
оранжевое золото на них
по косам пестрые играли тесно ленты
индийские платки на головах
что мама в Ганге мне не подарила

две старые прошли в блестящих юбках
те юбки черные и кофты словно ночь
седые волосы под плотными платками
встревожились и бабушка и мама

спустя лет двадцать возвращалась я
по горьковской же в комнату свою
неженской утомленная работой
со мною было выручки немного

и планы как ее потратить лучше

цыганочки меня остановили
утешили как будто раньше знали
что мой любовник сволочь муж предатель
наверно это было на лице

домой конечно я пришла без денег
однако в кошельке осталось нечто
что мне позволило до следующей смены
дожить без дополнительной печали

затем пришла мне выручка большая

а нынче мне припомнился и храм
и маленький как гном священник в синем
и голубые поручи его
внутри весь храм отделан был зеленым
в тот август в нем меня и окрестили

когда из храма ехали обратно
и я изнемогала от дороги
в Усаде вновь в вагон вошли цыгане
мне было весело смотреть на них

отец меня родил как погремушку
чтоб веселила танцевала пела
и тетка старшая как видит говорит
я помню как цыганочку плясала

быть погремушкой то моя судьба
хотя порой мне кажется сломалась
так что ж неси цыганам те починят
а после окропи водой крещенской

Музыка *1977–1982*

от сада к школе горный островок
там три сосны три камня и маслята

где мшистая и хвойная подошва
каникулами наряжали сцену
и школьники при галстуках на ней

мне велено рассказывать о деде
что ранен был в бою под Кенигсбергом
а я колготки новые запачкав
с дырой на левом кажется колене
хромаю к микрофону
прочитала

Еремина с Квашенкиной шептались
и с ними балерина Воробьева
я знала музыку предмет их обсуждений
Квашенкиной Татьяны старший брат
как говорили все крутил Машину

ну да «никто не ждет последнего звонка»
у нас на Блюхера на первом из окна
«все отболит» порою раздавалось

у деда в Подмоскovie летом сладко
двоюродный брат позвал на стадион
Машина говорит ну да Машина
Макар в рубахе розовой и желтой

ударник
брат с ним был в одном ансамбле
с Маргулисом и пивом говорил
все разошлись

а музыка осталась

покуда мать квартиру разменяв
по мрачным облакам гуляла ночью
ладонями ощупывала стены
искала радиации сигналы
и находила старую проводку

пока одна по съемным городам
как не было родителей на свете
и мать порой так жалобно глядит
когда из недр обители приедет
ребенком я брела переходящим

пока судьба растрескавшись опала
как скорлупа яйца
и даже смерть
гнушалась мной не раз
покуда
весь быт земли несла я на руках

Машина все крутилась

впрочем я
не очень-то и слушала Машину
но я узнала музыку свою

так в добрый час
и мне ночная вахта

Другая жизнь 1981

не скроешься в закрытом городке
едва нам дали новую квартиру
как сонм родительских знакомых Ольга
узнал что у отца другая жизнь
никто мириться с ней не собирался

потом привыкли
мать ремонт закончив
еще не располневшая но все же
освоила машину на права
и подала в суд на раздел жилища

что это было для меня
понятно

сестра училась и просила денег
студентке очень много денег нужно
и родственники есть но небогаты
и тетка старшая особенно строга

а я повадилась ходить в библиотеку
то новая во мне проснулась жизнь
отец бывал у нас довольно редко

и я читала все Гюго Бальзак
Стендаль и Достоевский Пушкин Гоголь
романы про индейцев и бродяг
Марк Твен и Эдгар По и Грин О.Генри
и наконец ко мне пришли стихи

то было в ноябре купили стенку
собрали стенку с полкой откидной
учебное мне создали местечко
а я пришла с прогулки
все суровы
не знала я зачем пришел отец

смотреть как я учусь пришел наверно
а я сидела и писала строчки
отец считал какой ужасный почерк
но я сидела и стихи писала
меня потом за лень и наказали

а через год случилось умер Брежнев
у нас тогда был пения урок
учил по Огородникову нас
джазист и диссидент с прекрасным басом

запомните сказал он что теперь

изменится все
мы не понимали
страна изменится сказал нам диссидент
хотя про диссидента мы не знали
а он всех нас с урока отпустил

запомните все будет по-другому
и вряд ли лучше

в девяностых я
с улыбкой вспоминала эту фразу

я мыла пол
и шли на белый дом
мои знакомые

а я среди пластинок
я среди книг
шла по слепой жаре
навстречу им
и все стихи со мною

о ты огонь сияющей мечты
на полной дум и сновидений тропке

Вересковая пустошь

Бывают мироздания страницы,
еще не перевернуты, а все же:
ни время, ни пространство не сумели
от нас упрятать верескову пустошь.

От нас, и кто мы? Слово «мы» чужое,
мне чуждо «мы»: семья, народ, коллеги;
здесь нет друзей, и никаких любимых
в путь к вересковой пустоши пошли,
но все же — мы.

Так семь цветов по зову
защитные скафандры надевают,
все белые и бледного нежнее,
идут измерить мне температуру,
советуют картон, пастель и краски,
друзей, кафе и верескову пустошь.

Итак, мы шли.

Где снег совсем растаял,
там глинистые скользкие надежды,
там обувь дерби — школьная программа,
там небо ясно, нежен горизонт.

Там линии электропередачи
указывали на лесные дебри,
мы говорили: это милый Шервуд,
но я в окно увидела Миасс.

Я оглянулась: мы ушли в меня,
вокруг пустынно, нет еды и денег,
я на вторых ролях и некрасива,
на выпускной играть не пригласили,
и замуж я не вышла никогда.

Но все ж мы шли. Там, на холмах, за лесом,
где спуск реки, уже идущей в море,
где озеро ее питает плотно,
там на холмах пурпуровый туман,
там пустошь есть, там стебли наклонились,
там все цветы с единой стороны,
там в небе ясном дикая ворона.

Друзья во мне уже не тяготят,
все вместе мы в холмы искали вход.
Друзей уж нет, но есть холмы и вереск.
Откуда он у озера на скалах?
Я слышу как поет со снегом ветер:

«Когда идешь на Солсбери к холмам,
имеешь все, что в жизни нужно нам.
Я атлантический объездил свет,
я счастлив был и видел много бед.
Судьбы домашней спит овощеводство,
поет морское чистое сиротство.
Я счастлив был и видел много стран,
я так скажу на Солсбери холмам.
Судьбе и людям не припомню зла:
давно уж Мэри Винтер умерла.
От всех морей и всех прекрасных стран.
я возвратился к Солсбери, к холмам,
там над весенней ледяной водой
я вновь услышу голос летний твой.
Парит орел и возвещает лето.
О Солсбери мне песенка не спета.
Я в странствиях провел немало лет,
но только здесь я видел чистый свет,
то свет холмов и свет родных могил,
мой отчий дом, мой Солсбери-Хилл».

Откуда эта песня и кто мы?
Здесь Толкиен и Льюис на прогулке,
их догоняют Дороти и Вордсворт,
но мне вся эта Англия зачем?

А говорят: семья молекулярна,

а говорят про кровное родство,
кто воспитал, тот будет и родитель,
морковь он или новая капуста.
Друзья ведь есть семья, они все так же
молекулярны и неторопливы,
а я уже давно из вида скрылась,
остался позади прекрасный Шервуд.

Прочь из меня, как перьевой подушки,
посыпались подруги и подружки,
коленца жизни, резаная жесть,
снесь бытия, которую не съесть.

Редет лес, там впереди на скалах
пурпуровый туман и терпкий запах.
Я чуть помедлю на опушке нежной,
я вижу дом и верескову пустошь.

Вот кладбище и стены храма. Нынче
народ идет с воскресной долгой службы,
пора и мне, по льду, под снег, на солнце.
Я отыскала верескову пустошь.